

НА КУШЕТКЕ
У ПСИХОТЕРАПЕВТА

психанализ
эпатажной
домомучительницы

Имя: Гурьевна Сельдман
Псевдонимы:
Файна Раневская
Дата рождения: 15 августа 1896 года
Тип личности:
эгоцентризм
Причина обращения:
агрессивность,
присутствие мизантропии
Диагноз:
истерическое расстройство
личности

**ФАИНА
РАНЕВСКАЯ**

Элла Вашкевич
**Фаина Раневская. Психоанализ
эпатажной домохозяйки**
Серия «На кушетке у психотерапевта»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8223206

Фаина Раневская. Психоанализ эпатажной домохозяйки: АСТ; М.; 2014

ISBN 978-5-17-084940-6

Аннотация

Фаина Раневская – сплошное противоречие. Беспардонное хамство и нежная беспомощность души, умение обзаводиться врагами на каждом шагу и находить удивительных и верных друзей, необразованность с одной стороны и мощный интеллект – с другой, умение делать карьеру и регулярное сиденье без ролей. И – одиночество...

О Раневской много злословили – ей ставил диагноз «психопатка» еще при жизни, ее обвиняли в аморальных связях, ее откровенно боялись!

Представьте, что Фаина Раневская входит в кабинет психотерапевта, устраивается на кушетке и начинает говорить. Что же она скажет?

Содержание

Предисловие	5
Явление героини	7
Великий Троль	10
Урод	12
Нелюбимый ребенок	18
Люди и дельфины	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Элла Вашкевич

Фаина Раневская. Психоанализ эпатажной домохозяйки

© Вашкевич Э., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Предисловие

Мое отношение к Фаине Георгиевне Раневской раз и навсегда определил фильм «Подкидыш» (киностудия «Мосфильм», 1939 г.).

Мне было шесть лет, и я разбила коленку. Именно эта разбитая коленка и явилась причиной того, что мне разрешили посмотреть кино после 21.00 – официального, положенного детям отбоя. И вот я сижу в просторном кресле рядом с дедом, а на черно-белом телевизионном экране разворачиваются приключения девочки, сбежавшей в летний день из дому на прогулку. Я задаю глупые вопросы (А почему детский садик не в отдельном доме, а где-то в многоэтажном наверху? А что такое полевой шпат? А почему у дяди-геолога камни лежат прямо в комнате, а мне нельзя их приносить домой?). Вопросов много, и дед терпеливо отвечает. Но вот он замирает и шипит: «Тише!» Я тоже замираю и вижу чудо – через толпу, окружившую девочку, пробивается Ляля – габаритная дама с уверенным выражением лица. У меня приоткрывается рот – Ляля потрясает с первого взгляда. Но вот она добирается до центра происшествия, непринужденно опирается на кого-то и вздыхает: «Я так переволновалась!».

Вот так я впервые увидела Фаину Раневскую на экране. Ее Ляля впечатлила меня до глубины души. Я, почти не дыша, смотрела, как она одергивает несчастного безответного Мулю («Муля, не нервируй меня!» – фраза, ставшая крылатой), забирает у него стакан газировки («Тебе вредно много жидкости!»), грозит уехать к маме («А ведь обещал на руках носить!»), уговаривает маленькую героиню фильма ехать на дачу («Наташенька, чего ты хочешь – поехать на дачу или чтоб тебе оторвали голову?»).

Когда Ляля покупала для девочки горн, я подумала, что эта грозная тетя неплохо разбирается в детях. Наверное, она сама еще немножко ребенок, потому что только ребенку дано понять, как привлекателен роскошный горн, в котором плавится золото солнечных лучей. И вдруг внезапным озарением я поняла ее всю! Не только Лялю, но и саму Фаину Раневскую... И когда Ляля обнаружила пропажу девочки, я расплакалась в три ручья. Мне было очень, очень жалко Лялю! Она была страшно, непоправимо одинока, и даже покорный Муля не скрашивал это ужасающее одиночество...

Фаина Раневская – сплошное противоречие. В ней переплелось все сразу: беспардонное хамство и нежная беспомощность души, умение обзаводиться врагами чуть не на каждом шагу и умение находить удивительных и верных друзей, необразованность с одной стороны и мощный интеллект с другой, умение делать карьеру и регулярное сиденье без ролей... И – одиночество. Рвущее душу одиночество.

Фактически можно говорить о «феномене Раневской». Обратите внимание: она была актрисой театра роли, которые Раневская сыграла в кино, можно пересчитать по пальцам, да и были они в основном эпизодическими. А скольким людям удалось посетить театр и увидеть Раневскую на сцене? Относительно немногим. И тем не менее у нее – всесоюзная известность, ее знают и любят миллионы! Но вот уже выросло поколение, которое не видело фильмов с участием Раневской. Это поколение росло на американских боевиках, зачитывалось фантастикой и детективами и не всегда уверенно отличает Гоголя от гоголь-моголя (по крайней мере, некоторые считают, что гоголь-моголь получил свое название в честь писателя). Казалось бы – вот оно и пришло, забвение... Скольких талантливейших актеров театра уже забыли, ведь память человеческая довольно коротка и действует чаще всего по принципу «С глаз долой – из сердца вон». Разве что Станиславский упрямо держится в людской памяти, да и то больше благодаря знаменитой фразе «Не верю!»

Так ничего подобного! Даже это поколение знает о Фаине Раневской. Правда, не как об актрисе, а как об авторе великолепных афоризмов. Вот уж чего наверняка не ожидала Фаина Георгиевна!

И очень хочется разобраться: как так получилось? Что же такое было в Фаине Раневской, что сделало ее блистательной актрисой? И что определило ее одиночество в жизни? Откуда взялись противоречия, составившие ее характер? И – как они повлияли на ее талант?

Эта книга – попытка разобраться. Попытка выяснить истоки возникновения таланта. Фактически – попытка влезть в душу и посмотреть, а как же она тикает. Представьте, что Фаина Раневская входит в кабинет психолога, устраивается на кушетке и начинает говорить. Что же она скажет?

Здесь все – правда. Ровно настолько же, насколько правдив портрет, в котором столько же от художника, сколько от модели. Бывают книги-фотографии на паспорт, предлагающие удивительную точность черт. Но нередко даже «паспортная» точность не позволяет увидеть личность, заменяя ее набором примет. Я предлагаю вам не фотографию, но художественную картину. Может быть, именно так и нужно рассматривать если не лицо, то душу. И кисть, проходя по холсту, иногда вздрагивает, пытаясь передать любовь и сострадание...

Всю свою жизнь Фаина Раневская сражалась с судьбой-шлюхой, убегала от нее, старалась переломить. Казалось, эта дама легкого поведения все же ухитрилась взять свое. Не зря ведь в своем последнем – и единственном! – интервью актриса назвала себя кладбищем несыгранных ролей. Но вот что удивительно: сражение продолжается по сей день, даже после смерти актрисы. И знаете, мне кажется, что Раневская выигрывает!

Явление героини

Кабинет Психолога был обыден и скучен. Достаточно просторный, но так туго набитый мебелью, что казался тесным, он ловил солнечные лучи из высокого окна, занавешенного яично-желтой шторой. Пара кресел, обширный стол, покрытый толстым стеклом, под помутневшей от пыли поверхностью которого можно было увидеть множество бумажек с неразборчивыми надписями. Книжный шкаф времен развитого социализма – страшно неудобный, с узкими полками, перекошенными стеклянными дверцами и массивной нижней тумбой, о которую Психолог ежедневно ушибал ноги. Шкаф был полон книг – толстых и солидных – с мудреными психологическими названиями и скучными монотонными корешками. Попадались там и яркие краски популярной литературы, а также несколько фантастических и детективных романов с дарственными надписями – подарки Психологу от пациентов. Была еще пара спокойно-пузатых тумбочек, на одной из которых стояли графин с водой и пыльный стакан, а на второй красовался новенький электрочайник, рядом с которым ярко блестела цветастая объемистая чашка. В тумбочках лежали разные игрушки, листы бумаги, карандаши и множество других мелочей, которые Психолог иногда использовал в работе.

Кабинетом своим Психолог гордился. Не у каждого есть собственный кабинет. Но пациенты в святая святых не допускались. Так было не всегда, но однажды Психолог взялся помочь знакомой художнице, страдавшей то ли от детской психологической травмы, то ли от зависти к более удачливым товарищам по цеху, и, не подумав о последствиях, посоветовал ей расслабиться и выпустить пар.

– Вы слишком зажаты, – сказал тогда Психолог художнице. – Позвольте говорить вашему подсознанию, и мы докопаемся до сути проблемы.

Художница послушно кивнула, жалобно всхлипнула, утерлась мокрым уже платочком и неожиданно разнесла кабинет в клочья. Она разбила стеклянные дверцы книжного шкафа, растерзала несколько книг, вылила на стол воду из графина... Но самой большой потерей Психолог считал коллекцию фарфоровых собачек – он успешно использовал эту дивную свору далматинцев в диагностике, но увы, после визита художницы остались лишь разрозненные лапки, ушки и хвостики. Потом художница принесла в подарок довольно неплохую картину – осенняя парковая аллея, усыпанная палыми листьями, уходящая к рассветному солнцу вместе со свежеекрасненными скамейками, но картина никак не могла заменить фарфоровых собачек. И Психолог перестал допускать пациентов в кабинет.

Вместо этого он оборудовал «помещение для приемов». Небольшая светлая комната, мгновенно затеняющаяся уютными зелеными шторами, мягкий диван, два кресла, журнальный столик с непременно водяным графином и граненым учрежденческим стаканом. Тут же – высокая, с низкой талией бутылка «Боржоми». Люди в этой комнате нередко плачут, просят пить. Замучишься готовить кому чай, кому кофе. А «Боржоми» пьют все – и аристократы, и дегенераты.

Домашний уют комнате придавали несколько симпатичных кактусов на подоконнике. Иногда они даже цвели, и это было удивительно красиво. Психолог ни за что не признался бы даже себе, но кактусы он выбрал по одной причине – если вдруг опять попадетсся буйный пациент, то за растения можно не волноваться, кактусы могут постоять за себя. Рядом с графином он пристроил часы в форме стеклянной пирамиды – единственный потенциально опасный предмет, если бы у кого-то хватило сил оторвать его от столика. Часы были намертво прикручены к столешнице мощными болтами и насмешливо скалились циферблатами на все четыре стороны света. Они не тикали – в помещении для приемов царилла благодная расслабляющая тишина.

Обнаружив, что многие пациенты предпочитают не усаживаться в кресло, а укладываться на диван на западный манер (не удивительно, ведь все импортные фильмы, в которых фигурирует психолог, имеют обязательную «психологическую» кушетку), Психолог обзавелся несколькими подушками-думками и начал предлагать пациентам брать с собой простыню.

Вот в этой-то спокойной комнате он и находился, когда началась вся история. Психолог мирно стоял у окна, поправлял штору и ожидал очередного пациента. Он не присаживался в кресло – сначала нужно помочь пациенту устроиться как можно удобнее, ну а затем размещаться самому.

Психолог художественно расположил складки шторы, стараясь, чтобы они чередовались равномерно. С правой шторой не возникло никаких проблем, но левая упрямо цеплялась за что-то вверху и некрасиво задиралась снизу. Психолог осторожно потянул ткань, затем, рассердившись, дернул. Вверху что-то хрустнуло, и на Психолога, сбивая его с ног, обрушился карниз, и яичные шторы окутали его мягким пыльным облаком.

– Вот же бесовское отродье! – сердито буркнул Психолог, выпутываясь из штор. Где-то в коридоре кто-то ехидно хихикнул, и издали донесся звон бьющегося стекла.

Немедленно разболелась голова, а на лбу вспухала совсем неэстетичная, не подходящая к уютной комнате шишка, уже окрашивающаяся приятной синевой. И конечно же, именно в этот момент распахнулась дверь. Психолог беззвучно вспомнил всех родственников упавшего карниза, особый упор делая на его родителей. Естественно, пациент должен был появиться в самый неудачный момент – это известный всем психологам «Закон пациента». Психолог попытался придать лицу спокойное и даже благостное выражение, совершенно не сочетающееся с глупым положением, в которое его вогнал карниз.

– Оригинально! – заявила женщина, вплывающая в дверь. – Теперь психологи принимают, сидя на полу? Что вы там расселись, молодой человек? И что это за тряпки на вас?

Психолог онемел. Это была Она! Великая актриса, перед которой психолог преклонялся с детства. Любой фильм, где она играла даже крошечную роль, становился для него праздником – ведь он мог увидеть своего кумира. Но почему-то даже в комедиях он чувствовал жалость к ней. Как в цирке к белому клоуну, которого рыжий клоун всегда бьет и обижает, а зрители смеются. Она не была похожа на белого клоуна, ее не били и не обижали, но ему все равно хотелось плакать, когда остальные смеялись. И за это противоречие он любил ее еще больше.

Психолог даже представить себе не мог, что когда-нибудь увидит ее в своем кабинете. А уж тем более – на диване, облокотившуюся на подушечки.

Психолог почувствовал, как что-то задрожало внутри. Он одернул себя – это было проявлением непрофессионализма. Пациент есть пациент, и неважно, что он – великий артист, кумир твоего детства. Но предвкушение не уходило. Скоро, очень скоро он поймет, откуда взялось противоречие. Узнает, почему ему хотелось плакать, хотя фильмы были смешными. Поймет, что же именно очаровало его в ней. И черт с ним, с профессионализмом. В конце концов, он тоже человек!

Психолог постарался придать лицу бесстрастное выражение и взглянул на посетительницу внимательнее. Он ошибался! Это была вовсе не Она! Растерянная худая старушка, неловко поправляющая розовую трикотажную кофточку, стояла в дверях. Понурые плечи, унылый взгляд. Ничего общего с той, что смотрела на него с экрана в любимых фильмах. Разве что прическа – те же всчесанные, приподнятые надо лбом волосы, изображающие густую шевелюру.

Но тут старушка повела плечами, блеклые губы ее сложились в ехидную усмешку, и Психолог увидел перед собой совсем другую женщину. Выше ростом, даже как-то мощнее. Исчезла старческая тощесть, взгляд стал острым, проникающим прямо до затылка с такой

силой, что начинали шевелиться волосы. И зазвучал знаменитый низкий, с прокуренной хрипотцой голос:

– Что, молодой человек, вы думаете, что вас посетила удача? Воображаете наплыв пациентов. Еще бы, у вас ведь консультировалась Раневская! «Муля, не нервируй меня!» Так не надейтесь. Все, что вас посетило, это жопа. Да-да, большая, старая дряблая жопа. Попробуйте-ка прожевать эту мысль. Застревает в горле? То-то же...

Великий Троль

Как-то Психолог забрел на вечеринку. Вообще-то он не был любителем ходить по гостям, но день был сер и уныл, а соседи, возясь с ремонтом, ухитрились обесточить его квартиру. И Психолог отправился в гости, утешаясь тем, что увидит новых людей, а может, и новые психопатологии. Психопатологии он любил, как иные любят красивые цветы.

Но ему не повезло. Нет, различных психологических проблем вокруг было предостаточно. Вот только были это известные и поэтому неинтересные комплексы. Чаще всего попался комплекс неполноценности, расцветающий на любой, даже самой каменистой почве, чрезвычайно пышно, и Психолог, давно привыкший к этому сорняку, тихо скучал в углу. Грохотала музыка. Спаянная компания уже распалась на отдельные группы, и Психолог лениво переводил взгляд от одного мини-сообщества к другому. Вон в том углу играют в карты, а в противоположном – в интеллектуальные шахматы, и рядом с каждым игроком своя команда болельщиков... А вот стриженная до прозрачности черепа девица в слишком тесных джинсах и широченном свитере флиртует сразу с тремя мужичками при галстуках, требуя то шампанского, то конфет, то миллион алых роз к подъезду... А вот и неспешная подтанцовка под музыкальный гром – эти уже дофлиртовались до объятий, и конфеты, судя по всему, не потребуются...

– Муля, не нервируй меня! – с этой фразой рядом с Психологом плюхнулся на диван молодой человек, вооруженный бутылкой пива. – Какая же скука! Правда, пиво хорошее, – и он мотнул в сторону Психолога запотевшей бутылкой.

Психолог с любопытством посмотрел на нежданного соседа. Типичное дитя компьютерной эпохи: худой, будто и не кормили с рождения, покрасневшие глаза, тонкая оправа очков... Лет двадцать пять-тридцать, хоть и выглядит так, что не в каждом магазине ему сигареты продадут.

– Программист, – уверенно сказал Психолог.

– Ну да, – весело кивнул сосед. – Программист. А что, у меня на лбу написано?

– Элементарно, Ватсон! – развеселился и Психолог. – Не на лбу, а в глазах. Глазки-то красненькие, чисто вампир. На страдающего бессонницей вы не похожи. Значит, остается монитор компьютера, которым вы любуетесь сутками напролет. У вас глаза программиста.

– По этому поводу нужно выпить! – В руках программиста волшебным образом появилась еще одна бутылка пива, темная и прохладная.

Наконец-то Психолог нашел собеседника.

Их разговор был комфортен для обоих. Один рассказывал о психологии, второй – о программах и компьютерах, и никто никого не слушал. Психолог знал, что на следующий день они даже не вспомнят, о чем говорили. И вдруг секундное воспоминание кольнуло его.

– А что, вам нравится Фаина Раневская? – спросил Психолог.

– С чего вы взяли? – удивился программист.

– Ну, вы, когда сели на диван, сказали «Муля, не нервируй меня!», – пояснил Психолог. – Это же ее фраза из фильма. Известная фраза, прямо крылатое выражение.

– Надо же! – Программист весело отхлебнул пиво. – А я и не знал. Мама все время так говорила, вот и запомнилось. А я-то сам для Раневской как бы молод.

– Ну да, ну да, – покивал Психолог. Насчет возраста собеседник был, безусловно, прав. – Значит, вы о Раневской ничего не знаете?

– Почему же? – неожиданно заявил программист. – Знаю, конечно. Фильмы не смотрел, врать не буду. А вот афоризмы ее читал. В Интернете, знаете ли, чего только не найдешь.

– Вот как?! – Психологу стало совсем интересно. – И что вы о ней думаете? О Раневской...

– Классная тетка, – хмыкнул программист. – Веселая. Далеко не дура.

– Любопытно... очень любопытно, – протянул Психолог. – Значит, классная и веселая, да еще и не дура...

– Именно. – Программист отставил пустую пивную бутылку. – Говорят о ней, что она – великая актриса. Но я думаю, что это не совсем так. Я бы сказал, что она – Великий Троль!

От неожиданности у Психолога открылся рот. Про троллей он знал из сказок. Это были громадные существа с серо-каменной кожей, неопрятные и дурно пахнущие. Убить тролля можно было только солнечным светом: судя по всему, у них была аллергия на ультрафиолет аж до окаменения. Как-то это описание не очень было похоже на Фаину Раневскую.

– Так я ж не о тех троллях! – засмеялся программист, которому Психолог изложил свое недоумение. – Я о тех, что в Интернете. Погуглите, о них много написано.

– По... что? – уточнил психолог.

– Ну, через поисковик посмотрите интернет-мемы. – Программист вздохнул, объясняя очевидные для себя вещи. – Увидите, что я прав. Скольких людей она затроллила! И как красиво! Это уметь надо. Талант не пропьешь! – И в его руках вновь материализовалась пивная бутылка.

Дома, терзая компьютер, Психолог узнал, что интернет-тролли отнюдь не бугристые и каменные. Они вполне человеческого облика и даже поведения. Вот только поведение их по большей части деструктивно. Любимое занятие троллей – стравить людей, заставить их ссориться, спорить до хрипоты, отстаивая свою правоту. Троль унижает жертву, оскорбляет ее прямо либо скрыто. И некоторые считают троллинг явлением того же порядка, что и энергетический вампиризм: тролль питается чужими эмоциями, но ему в пищу годятся только эмоции со знаком минус.

Психолог нашел в холодильнике зачерствевший бутерброд с трагично завернутым подсохшим ломтиком сыра, откусил, пожевал, не замечая пенициллинового привкуса. Поведение троллей было любопытным. Зачем им все это нужно? Задать провокационный вопрос, бросить оскорбительную – и обязательно провоцирующую! – фразу... Все это похоже на компенсирование какого-либо комплекса. Например, комплекса недолюбленного ребенка.

Вот они сидят, все такие умные и самодовольные. А вот я – тролль, и никто не обращает на меня внимания. Я – тролль, я – гадкий утенок, я никому не нужен и неинтересен. Но посмотрим, как они запоят, когда я – тролль, гадкий утенок, никому не нужный и неинтересный! – возьмусь за них как следует!

Что характерно для тролля? Эпатаж, оскорбляющее окружающих поведение и соответствующие высказывания...

Фаина Раневская – тролль?

Да, она не была самым приятным в общении человеком и вряд ли выиграла бы конкурс популярности среди тех, кто знал ее лично. Но – тролль? Или – недолюбленный ребенок, который всю жизнь протестовал, желая, чтобы его любили, считая, что это несправедливо, когда тебя не любят? Или что-то еще...

Психолог задумался...

Урод

Психолог застыл у окна. Проклятый карниз лежал у стены, вольготно протянувшись и демонстрируя массивные металлические шары на концах, а шторы, сложенные аккуратной стопочкой, яично поблескивали на подоконнике. Рука Психолога потянулась к кактусу – в детстве, волнуясь, он всегда обрывал листья с любых растений, что попадались под руку, растирал их в пальцах. Однажды так оборвал до голого стебля любимую фиалку матери. Привычка эта исчезла давно, но вот вернулась неожиданно, выскочила из-за угла. Из-за того самого угла, из-за которого в его кабинет ворвалась Фаина Раневская. Великая актриса. Автор убийственных афоризмов. Великий Тролль. И... кем еще она была?

Но кактус – не фиалка, и Психолог больно укололся. И так же, как в детстве, он непроизвольно потянул уколотый и кровящий палец ко рту, не сводя глаз с Раневской, устраивающейся на диване.

Не следует думать о Психологе как о нервной барышне. Среди своих коллег он прославился еще будучи студентом: во время ритуального ежегодного вызова Беса в общаге Психолог оказался единственным, кто не впал в ступор от удаче эксперимента. Пока остальные пытались прийти в себя и определить, куда бежать и как спастись, Психолог подхватил Беса под мохнатый локоток и огорошил его вопросом о несчастливых детских годах. Узнав же, что детство Бес провел, будучи помощником Главного Истопника Преисподней, Психолог посочувствовал страдальцу, который вынужден был слабыми еще ручонками, обламывая не затвердевшие толком коготки, ворочать тяжкие куски угля и сучковатые поленья. Бес, не успев опомниться, уже лежал на чьей-то панцирной кровати, провисая в металлической сетке, и, смущенно улыбаясь, бормотал:

– Ну что вы, что вы... начальство у нас положено любить и есть глазами. Один вот ел без особого рвения, так теперь работает на добыче льда. А вы представляете, что такое добывать лед в нашем климате? Ведь чем глубже роешь, тем температура выше. Геотермальная энергетика, знаете ли...

Кстати сказать, отношения Беса и Психолога отнюдь не закончились с финалом глупой студенческой истории. По сей день Психолог поддерживает со своим первым пациентом связь дружескую и профессиональную: Бес, побывав на психологическом сеансе, сделал неплохую карьеру в Преисподней в качестве целителя душ. И конечно, не забыл своего нежданного благодетеля. Личный кабинет у Психолога появился немалыми стараниями Беса.

– Вы так и будете стоять столбом? – басовито рявкнула Фаина Раневская, которая в бесов не верила в принципе, разве что в тех, что грызут душу каждого человека. – Неужели я должна все делать сама? Ну хоть подушки подайте, что ли!

Психолог засуетился, подсовывая ей подушечки. Он остро ненавидел себя за эту растерянность, но ничего не мог поделать. Детское преклонение оказалось сильнее всех рациональных размышлений. Но он знал, что справится с этим. Должен справиться.

– Ну вот так вроде и неплохо, – одобрила Раневская. – Знаете, ваш диван гораздо удобнее того, что у меня дома. Правда, мой совсем старый. Вы знаете, зачем я к вам пришла? – огорошила вопросом.

Психолог откашлялся. С этим кашлем из него выходила детская растерянность, и он вновь становился профессионалом, спокойным и деловитым. Тем более, что именно этого ожидала женщина на диване.

– Я догадываюсь, – кивнул он. – Поэтому говорить будете вы, а я послушаю. Ведь вам очень, очень нужно выговориться. Здесь – самое подходящее для этого место. А я, вот увидите, прекрасный слушатель.